

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1963.4.03>

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВОВЫХ НОРМ

Х. РАНДАЛУ,

кандидат юридических наук

В величайшем документе нашего времени — Программе КПСС — определены перспективы развития нашей страны на ближайшие 20 лет, выдвинут научно обоснованный конкретный план построения коммунистического общества. В области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии в Программе подчеркивается, что «большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности»¹. Это требование Программы обязывает советское правоправление обращать особое внимание на вопросы совершенствования издания правовых норм и формы изложения их содержания.

При разработке вопроса содержания и формы правовой нормы в советской правовой теории до сего времени за общепризнанные истины принимались два тезиса: во-первых, то, что правовая норма всегда является общей нормой, общим правилом, которое в абстрактном виде устанавливает неиндивидуализированные случаи, и, во-вторых, что структура правовой нормы состоит в условном суждении на основе формулы «если — то», ввиду чего его неизбежными составными частями (элементами) являются гипотеза, диспозиция и санкция.² Но в последнее время возникают сомнения в обоснованности этих тезисов. Так, например, член-корреспондент Академии наук СССР С. А. Голунский отметил уже в 1961 г. в своей статье, что такой тип правовых норм и вытекающая отсюда структура их характерны не для всех отраслей советского права и приводит в подтверждение этому примеры.³

При определении содержания и формы правовой нормы и при выяснении их взаимосвязи нужно, конечно, исходить из содержания правовой нормы как первичного явления, которое определяет и обуславливает форму выражения этой нормы.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 105.

² См., например, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права. М., 1961, стр. 129 и 152; Б. В. Шейндлин, Норма права и правоотношение. В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 131; П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 62 и др.

Традиционной трехэлементной структуры правовой нормы придерживается и «Теория государства и права» (М., 1962). Но при этом указывается, что «такое понимание структуры правовой нормы сложилось главным образом применительно к нормам гражданского права, но распространено и на другие нормы права» (стр. 433).

³ С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права. «Советское государство и право» 1961, № 4, стр. 21 и сл. В качестве примеров правовых норм, не имеющих трехэлементной структуры, С. А. Голунский в своей статье приводит законы о народнохозяйственных планах, нормы Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР, нормы Закона о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций и другие.

Правовая норма — это часть действующего права, которая согласно воле господствующего в обществе класса или общенародной воле всего общества (в общенародном государстве) направляет поведение членов общества в желательном для господствующего класса или всего общества направлении. Правовая норма, следовательно, регулирует действия или бездействия людей на будущее, направляет их будущее поведение и руководит ими. Таким образом, по своей сущности правовая норма — не суждение, не констатация существующего, а приказание, императив, указание на будущее. Правовая норма выражает не то, что «есть», а то, что «должно быть». Императивный, волевой характер правовых норм является, следовательно, признаком не их формы, а их содержания, которое вытекает из классовой сущности права, из его принадлежности к надстройке данного общества.

Императивный, волевой характер права и правовой нормы нашел общее признание в нашей теории права.⁴ Но встречаются и ошибочные точки зрения, причиной которых служит непонимание этой основной истины.

Например, Н. П. Томашевский, не понимая содержания правовой нормы как императива, отрицает нормативный характер статей 1 и 3 действующей Конституции Союза ССР и утверждает, что эти положения имеют только описательный или констатирующий характер.⁵ Причины этой явно неправильной трактовки кроются в ложном понимании содержания и формы правовых норм.

Положения законов, содержащие правовую норму, как известно, нередко излагаются не в императивной, а в констатирующей форме, т. е. как экзистенциональное суждение. Вместо того, чтобы сказать «должно быть», законодатель часто говорит просто «есть». Это делает и Конституция Союза ССР в своих статьях 1 и 3, заявляя, что Советский Союз есть (а не «должен быть») социалистическое государство рабочих и крестьян и что вся власть в Союзе ССР принадлежит (а не «должна принадлежать») трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. Совершенно ясно, однако, что констатирующая формулировка этих положений не лишает их нормативного характера, так как их содержанием, их предназначением является не констатация существующего, а императивное указание на будущее — требование руководствоваться в своих действиях принципами социализма и признания власти трудящихся. Ежедневно и ежечасно, выполняя это указание Конституции, многомиллионный советский народ построил социализм в Союзе ССР и приступил к строительству коммунизма.

В новых исторических условиях, в период развернутого строительства коммунизма, наше государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа. Теперь перед нами поставлены и новые задачи на будущее, которые вытекают из условий перерастания социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление. Согласно этому изменяются и соответствующие положения Конституции Союза ССР, так как цель этих положений как правовых норм — направлять при строительстве коммунистического общества поведение наших людей на будущее.

⁴ См., например, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права. М., 1961, стр. 59: «Право есть государственная воля господствующего класса...» и стр. 129: «По содержанию специфика правовой нормы заключается в том, что правило субъективно-должного поведения, характерное для всякой социальной нормы, преобразуется в ней в правило общеобязательного поведения». — А. С. Пиголкин, Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 155: «Норма права всегда является правилом поведения людей в конкретных жизненных условиях.» — П. Е. Недбойло, Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 34: «...правовые нормы, выражая волю и правосознание господствующего класса, устанавливаются в определенных формах... Эти формы придают правилам, в них содержащимся, официальное, нормативное значение...»

⁵ Н. П. Томашевский, О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 198 и сл.

Заблуждение Н. П. Томашевского не случайно, так как и в дальнейшем он отрицает нормативный характер конкретных актов и видит структуру правовой нормы только в гипотетическом суждении.⁶ Непонимание им содержания правовой нормы как императива приводит к неправильным выводам и в отношении ее формы. С. А. Голунский в своей статье совершенно правильно обращает внимание на то, что трехэлементная структура правовой нормы в нашей правовой теории строится на основе ошибочного понятия правовой нормы только как общего правила, общей нормы.⁷ Конструкция правовой нормы в виде гипотетического суждения потеряла бы всякий смысл, если бы под правовой нормой разумели и такие правила поведения, к которым не применимо абстрактное «если», но которые содержат конкретизированные императивы, безусловные приказания или запрещения.

Искусственность понятия правовой нормы как гипотетического суждения, имеющего своеобразную двух- или трехэлементную структуру, не должна была бы вызывать сомнение. В буржуазной правовой теории эта точка зрения служила и служит интересам буржуазного класса для маскировки классовой сущности буржуазного права, его императивного характера и связанного с этим государственного принуждения. Излагая правовую норму как суждение, применение которого происходит в силу логической необходимости по формуле «если — то», буржуазия старалась придать своему классовому праву ореол общей, неизбежной действительности и тем самым скрыть произвол, творившийся за ширмой этого права.

Марксистско-ленинская теория государства и права предполагает понимание правовой нормы как социального императива, задачей которого является в категорической форме направление поведения людей на будущее, а не как условной фразы или гипотетического суждения, применение которого зависит от каких-то абстрактных предпосылок.

В действительности же правовые нормы с гипотетической формой встречаются очень редко. Для того, чтобы найти предполагаемую гипотезу, диспозицию и санкцию, нужно, как правило, или изменить формулировку правовой нормы, или придать ей другое содержание. Поэтому совершенно неудивительно, что в нашей правовой теории до сего дня имеются разногласия и ведутся споры по вопросам о количестве элементов предполагаемой структуры правовой нормы, их содержания, последовательности изложения и т. д.⁸ Мнение С. А. Пиголкина⁹, будто в одной статье нормативного акта должны быть представлены все так называемые элементы структуры правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция), явно необоснованно. Вряд ли возникнет желание формулировать статью в таком виде у кого-нибудь из составителей проекта законов. Чтобы продемонстрировать это, мы сформулируем положение «Обвиняемый имеет право на защиту» из части I статьи 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик как традиционную трехэлементную правовую норму. Это простое и всем понятное положение имело бы примерно такой вид: «Если какое-либо лицо привлечено к ответственности в качестве обвиняемого (гипотеза как предпосылка к применению норм), то органы, производящие расследование по делу или судебное рассмотрение этого дела, обязаны обеспечить ему право на защиту (диспозиция как установленная в норме обязанность), так как в противном случае их приговоры, постановления или распоряжения отменяются или они будут привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности и наказаны по закону (санк-

⁶ См. там же, стр. 201 и 207.

⁷ С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права. «Советское государство и право» 1961, № 4, стр. 22 и 23.

⁸ См., например, П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 63 и сл. А. С. Пиголкин, Нормы советского социалистического права и их структура, стр. 179; Н. П. Томашевский, О структуре правовой нормы и классификации ее элементов, стр. 203; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права. М., 1961, стр. 160 и др.

⁹ См. А. С. Пиголкин, Законодательная техника и систематизация советского законодательства. Тезисы сообщения. ВИЮН, научная сессия. М., 1961, стр. 31.

ция как гарантия выполнения нормы)». В такой бессмысленно длинной и раздутой формулировке правовой нормы нет, конечно, никакой нужды.

Так как гипотетическая структура, очевидно, не свойственна форме выражения правовой нормы, то она должна была бы представлять собой структуру содержания правовой нормы. Так ее обычно и рассматривают — гипотетическое суждение является якобы внутренним строением правовой нормы, логической структурой ее содержания.¹⁰ Более того, такая логическая структура содержания свойственна якобы только правовой норме.¹¹

Но такие точки зрения ошибочны, так как императивное содержание правовых норм прямо-таки противоречит тому предположению, будто структура правовых норм может состоять в гипотетическом суждении или гипотетическом заключении. Во-первых, императив никогда не является суждением и, во-вторых, он уже по своему содержанию не может иметь гипотетической структуры. Суждение есть логическая форма, в которой выражается истина, т. е. соответствие между предметом мысли и мыслью об этом предмете. Суждение есть, таким образом, высказывание о предметах и явлениях объективной действительности, заключающееся в указании на принадлежность им или отсутствию у них определенных признаков.¹² Совершенно другим является содержание императива. Императив — приказ, выражение воли, содержание которого ничего не высказывает об объективной действительности и не присваивает и даже не может присвоить встречающимся в объективной действительности объектам или явлениям какие-либо признаки. Правда, и содержанием суждения может быть поведение человека, но только как явление объективной действительности («Юри пришел домой», «Граждане выполняют правовые нормы» и т. д.). В суждении всегда выражается связь двух понятий — подлежащего (логичный субъект S) и сказуемого (логичный предикат P) с точки зрения их взаимных отношений в действительности (S есть P или S не есть P , S может быть P или S может не быть P и т. д.). Такое логическое содержание отсутствует у императива. При императиве ничего не говорится о существовании поведения, выражаемого в качестве содержания высказывания, выражается лишь воля, чтобы это поведение совершилось, реализовалось в будущем. Из содержания императива «Юри, иди домой» или «Граждане, выполняйте правовые нормы» нельзя логически заключить о том, пришел ли Юрий в действительности домой или нет, выполняют ли граждане правовые нормы или нет. Так как императив ничего не говорит об объективной действительности, то нет никакого смысла задавать вопрос, является ли его содержание истинным или нет, так как он вообще не выражает истину, т. е. соответствие между предметом мысли и мыслью об этом предмете.¹³

Содержание правовой нормы как императива составляет категория возможного, а не действительного. Содержание правовой нормы, как возможного поведения вытекает из действительности и является ее развитием, но не представляет действительности, не является еще действительностью. Разграничение категорий действительного и возможного и выявление их взаимной связи имеет при анализе правовых норм большое теоретическое значение, на что совершенно правильно указывает Л. С. Явич.¹⁴

¹⁰ См., например, А. С. Пиголкин, Нормы советского социалистического права и их структура, стр. 169 и сл.

¹¹ См., например, П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, стр. 62: «В соответствии с этим содержанием норма (правовая норма) логически расчленяется на три части: диспозицию (распоряжение, само правило поведения), гипотезу (предложение, указание условий осуществления норм) и санкцию. Такая структура свойственна только правовой норме».

¹² См. В. Ф. Асмус, Логика, М., 1947, стр. 75; М. С. Строгович, Логика, М., 1949, стр. 144; Д. П. Горский, Логика, М., 1958, стр. 86; К. Бакрадзе, Логика, Тбилиси, 1951, стр. 166; Н. И. Кондраков, Логика, М., 1954, стр. 159; Е. М. Галкина-Федорук, Суждение и предположение, М., 1956, стр. 16; П. В. Таванец, Вопросы теории суждения, М., 1955, стр. 23.

¹³ См. К. Бакрадзе, Логика, стр. 157; Н. И. Кондраков, Логика, стр. 164; Д. П. Горский, Логика, стр. 87 и 88; Е. М. Галкина-Федорук, Суждение и предложение, стр. 64; Franz Schmidt, Logik der Syntax, Berlin, 1961, стр. 149—150.

¹⁴ Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, стр. 15, примечание 2.

В своем курсе логики М. С. Строгович рассматривает правовые нормы как аподиктические суждения по формуле « S необходимо есть P ».¹⁵ И с такой точкой зрения нельзя согласиться, так как аподиктические суждения — это также суждения, т. е. высказывания об объективной действительности. Они отличаются от других суждений только модальностью суждения. Они выражают также, как логичный субъект S относится к предикату P в действительности, именно, что данное отношение необходимо существует и что иначе не может быть.¹⁶ Аподиктическое суждение, таким образом, суждение о существовании действительности, а не императив.

Императивная сущность правовых норм противоречит всяким гипотетическим формам. Гипотеза или условное суждение является, как известно, сложным суждением и состоит из двух суждений: первое (основание: «если S есть P ») устанавливает условие, при котором будет истинным второе суждение, вытекающее из первого (следствие: «то S_1 есть P_1 »). Императив не может быть такой структуры. Если первое суждение «если S есть P » всегда вызывает и обуславливает «то S_1 есть P_1 », то не было бы никакой нужды в приказе, содержание которого образует второе суждение. Последнее реализуется как необходимое следствие первого.¹⁷ Если бы кража влекла за собой наказание в объективной действительности, то не было бы никакой необходимости в запрещении ее императивом; так как наказание реализуется в силу логической необходимости. Именно потому, что кража по формуле «если... то» с логической необходимостью не влечет за собой наказания, и возникла потребность запрещения кражи в императивной форме.

Таким образом, содержание правовой нормы как возможного (и необходимого) поведения нельзя отождествлять с действительностью. Норма, как требование, не отражает существования фактов. Нормативное требование — «все участники должны быть дисциплинированными» не может быть оцениваемо как объективно истинное или объективно ложное.¹⁸ И это именно потому, что содержание этого императива говорит о том, что участники «должны быть», а не о том, что они «есть».

Из изложенного не следует, естественно, что содержанием правовой нормы является неправильное поведение или что правовые понятия не выражают истины, как это считает В. П. Казмирчук.¹⁹ Как мы уже указывали, основанием возможного и необходимого всегда является действительность. Если закон требует, чтобы каждый гражданин соблюдал трудовую дисциплину, то он исходит из предположения, что существуют граждане, кому адресована эта норма, и что эти граждане могут работать дисциплинированно или недисциплинированно, что соблюдение трудовой дисциплины необходимо и т. д. Все это — предположения, которые связывают требования закона с объективной действительностью, без чего требование закона потеряло бы свой смысл. Но закон ничего не говорит о том, исполняют ли все граждане в объективной действительности трудовую дисциплину или нет. Мы можем только сделать вывод, что, очевидно, нет, так как было бы бессмысленно требовать того, что уже есть или что так или иначе наступит.

¹⁵ М. С. Строгович, *Логика*, стр. 171—172: «В форме аподиктического суждения высказываются также непреложные правила, веления юридических законов, например, «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития» (Конституция СССР, статья 130)».

¹⁶ См. там же, стр. 171; Н. И. Кондаков, *Логика*, стр. 185: «Суждением необходимости (или, иначе, аподиктически) называется суждение, отображающее такой признак предмета, который имеется у предмета при всех условиях». П. В. Таванец, *Вопросы теории суждения*, стр. 87: «В форме суждения необходимости мы выражаем познанные нами закономерности действительности».

¹⁷ См. Franz Schmidt, *Logik der Syntax*, стр. 150.

¹⁸ Д. П. Горский, *Истина и ее критерий*. «Вопросы философии» 1962, № 2, стр. 128.

¹⁹ В. П. Казмирчук, *О разработке вопросов методологии в советской юридической науке*. «Советское государство и право» 1962, № 9, стр. 44 и сл.

Следовательно, выдвижение императива предполагает учет объективной действительности. Это проявляется также при формулировании соответствующего императива, где применяются понятия, отвечающие объективной действительности, связи, встречающиеся в объективной действительности и т. д. Понятие «граждане» отражает и в тексте закона объективную действительность, соответствие между предметом мысли и мыслью об этом предмете. Мало того — именно в самом тексте закона каждая мысль и связь должны быть выражены правильно, должны учитывать и отражать объективную действительность, так как закон направляет нас на новые действия, указывает путь в будущее. Без учета существующего как действительного мы не можем и предусмотреть будущего как возможного и необходимого.

Правовая норма отличается от других социальных норм моментом принуждения, т. е. тем обстоятельством, что обязанность выполнения правовой нормы всегда соответствует правомочие или правопритязание (претензия), обеспечивающие принудительность выполнения этой обязанности в случае ее добровольного неисполнения. Правовая обязанность всегда представляет собой, таким образом, притязательный императив, обязанность, при которой обязанному лицу всегда сопоставляется правомочное лицо, которое на основе своего правомочия (претензии) требует выполнения этой обязанности.

Правовая норма как императив, связанный с правомочием, всегда адресована по крайней мере двум субъектам — обязанному и правомочным лицам, создавая между ними соответствующее правовое отношение. При этом притязание у правомочного лица или лиц является основой для возможности применения санкции при добровольном невыполнении своей обязанности со стороны обязанного лица или лиц. Правомочие было бы только голым правом (*nudum jus*), если бы за ним не скрывалась возможность применения санкций. Каждая правовая норма в принципе представляет собой, таким образом, санкционируемую норму. Но это не означает еще того, что санкция является как бы эссенциальной составной частью правовой нормы, одним из элементов ее внутренней структуры. Если осуществление правовой нормы обеспечивается другими общественными мероприятиями, санкция может и отсутствовать. Отсутствие санкции не превращает еще данную конкретную правовую норму в норму морали, так же как передача дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, товарищескому суду не лишает уголовно-правовых норм, устанавливающих эти преступления, правового характера.²⁰

Императивное содержание правовой нормы как правила поведения всегда индивидуально и конкретно, оно является указанием к определенному поведению, действию или бездействию конкретных индивидов в данных исторических условиях. В этой конкретности и заключается общественное действие права, его сила в качестве регулятора поведения людей.²¹ Даже изложенная в абстрактной, общей форме правовая норма существует, таким образом, только в отдельном и через отдельное и в качестве обобщения отдельного является проявлением сущности отдельного. «Общее, — указывал В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное»²². В правовой норме, как и в любом реально существующем явлении, имеется диалектическое единство отдельного и общего.

Формулировка правовой нормы в качестве отдельного или общего правила является, таким образом, не вопросом содержания правовой нормы, а проблемой формы ее изложения — т. е., как разграничить предусмотренные в правовой норме обязанности и полномочия и связать их с адресатами нормы — в виде отдель-

²⁰ См. П. Е. Недбайло, Р. В. Брешеда, «Применение правовых норм коллективами и самостоятельными организациями советских граждан. «Советское государство и право» 1961, № 5, стр. 37.

²¹ В своей статье «О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма» С. А. Голунский обоснованно обращает внимание на то, что в отношении реализации правовой нормы полностью применимы слова Маркса, сказанные им по поводу роли идей: «Идеи вообще ничего не могут осуществить». — См. «Советское государство и право» 1961, № 10, стр. 40.

²² В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 359.

ного или общего правила. Вместо того чтобы дать, например, описание обязательного поведения, абстрактный состав его, целесообразнее иногда определить результаты этого поведения. Так и поступает законодатель при так называемых плановых нормах, когда он в качестве содержания определенной нормы фиксирует конкретную задачу или результат, для выполнения или достижения которого норма обязует действовать адресатов нормы.²³

Так как отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему, и всякое отдельное так или иначе является общим, то и правовые нормы можно сформулировать как общие правила, которые в общей форме определяют предписанное или запрещенное действие, дают абстрактное описание состава действия или бездействия. Правовая оценка поведения, встречающегося в конкретной действительности, его подведение (субсуммирование) к абстрактным общим нормам происходит через общие качества отдельного, введением отдельного в формулу общего, благодаря его общим признакам, так как «всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного»²⁴. С точки зрения социальной задачи права регулировать конкретное поведение определенных индивидов в данных исторических условиях абстрактная и общая формулировка правовой нормы является вопросом только формы ее изложения, а не ее содержания.

В период перерастания социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление происходит постепенный процесс отмирания не только государства, но и права. Отмирание права — это отмирание государственно-принудительного характера правовых норм. Правоприязнания правомочного лица, юридическая претензия как предпосылка к применению санкции будет постепенно терять свое значение в деле направления поведения членов общества. Исчезновение претензии, потребности применения правоприязнания означает процесс превращения правовой нормы в правила коммунистического общежития, означает отмирание права. Этот процесс по своему содержанию аналогичен передаче государственных функций общественным организациям и происходит одновременно с ним. Вместе с отмиранием политического характера государственного аппарата утратят свой политический характер и правовые нормы, теряют свою специфику и становятся правилами коммунистического общежития. Одним из примеров такого процесса является издание так называемых рекомендательных норм, норм без санкции и в принципе несанкционируемых.

Процесс перерастания социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление обуславливает еще и другие изменения в структуре правовых норм. Рост сознательности членов общества, постоянное повышение активного участия в решении общественных вопросов не только постепенно отменяет потребность применения юридических санкций для обеспечения желаемого поведения, но влечет за собой и изменение форм государственного управления обществом. Постепенно исчезнет потребность в детальном регламентировании желаемого поведения в виде запрещенных или предписанных составов действия и диспозиционные нормы с описательным составом поведения будут заменены плановыми нормами, которые ставят только определенную задачу или результат, для выполнения или достижения которого следует действовать. Таким образом, существование так называемых плановых норм в наше время представляет собой не случайное или исключительное явление, а естественную закономерность процесса отмирания права.

Вышеизложенные вопросы о форме и содержании правовых норм имеют не только теоретическое значение. С императивным характером правовой нормы тесно связан ряд принципов действия правовых норм и толкования их содержания. Принцип дей-

²³ Аналогичным плановым нормам является в уголовном праве конструкция так называемых материальных составов преступления (убийство, телесное повреждение и т. д.), при которых запрещенное уголовным законом поведение определяется также не описанием этого поведения, а путем установления общественноопасного результата поведения.

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 359.

ствия правовых норм, по которому прежняя норма отменяется более поздней («*lex posterior derogat legi priori*»), например, не был бы понятен и теоретически обоснован, если бы право образовывало только систему гипотетических суждений. В отношении действия (истинность) суждений порядка следования их во времени не имеет значения и бездейственность более раннего суждения не вытекает из факта вынесения нового суждения, сделанного позднее по тому же вопросу. Установление нового императива, если этим не отменяется ранее данный приказ с иным содержанием, потеряло бы всякий смысл, так как в одно и то же время нельзя руководствоваться двумя императивами различного содержания.²⁵

Преваляирование норм с высшей силой, например, конституционных норм над другими нормами, не было бы также обосновано, если бы правовые нормы были только гипотетическими суждениями. Кельзен, который, как известно, рассматривал правовые нормы как гипотетические суждения, был вынужден для «обоснования» действительности таких правовых норм создать искусственную, предполагаемую основную или первоначальную норму (*Grundnorm, Ursprungsnorm*), благодаря чему и «действовал» весь правопорядок Кельзена²⁶. С точки зрения действительности суждений суждение автора не имеет значения, ввиду чего нет суждения с принципиально различающейся силой. Совершенно иное дело с императивами, действительность и сила которых зависит от их автора. Поэтому императивы могут иметь различную силу и требование, в силу которого нормы с меньшей силой должны быть согласованы с нормами высшей силы, вполне обосновано. Правопорядок — это система приказаний, а не суждений. Отсюда вытекает и необходимость в согласовании правовых норм как отдельных частей правопорядка в их истолковании лишь в совокупности и в системе.

Правильное определение логической структуры правовой нормы имеет особое значение для дальнейшего развития законодательной техники. В настоящее время советская правовая наука делает первые шаги на пути применения автоматизации и кибернетики для систематизации правовых норм и совершенствования их содержания²⁷. Но это предполагает в первую очередь точное определение логической структуры правовых норм, без чего невозможно символизирование правовых понятий и кодирование содержания правовых норм.

Институт экономики
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
1. VI 1963

²⁵ Все вопросы действия правовых норм во времени и пространстве непосредственно связаны с императивным характером права. Суждения не действуют в значении действия правовых норм и истинность суждений нельзя приравнивать к действию правовой нормы. Позднее изданная правовая норма по тому же вопросу отменяет ранее изданную как новый приказ, а не как новое суждение. При этом более поздняя норма не должна быть обязательно противоположной или противоречащей ранее изданной норме, она заменяет ее даже при идентичности содержания.

²⁶ См., например, Hans Kelsen, *Allgemeine Staatslehre*. Berlin, 1925, стр. 249 и сл.

²⁷ См. Н. Д. Андреев, Д. А. Керимов, *Возможность использования кибернетической техники при решении некоторых правовых проблем*. «Кибернетику на службу коммунизму». М.—Л., 1961, стр. 234 и сл. Вопросы применения кибернетических методов в правовой науке до сего времени занимались прежде всего преподаватели Ленинградского государственного университета. При этом встали вопросы не только применения кибернетических методов для классификации и систематизации законодательных актов и правовых норм, но и вопросы использования кибернетики для устранения противоречий и пробелов и пр. в тексте правовых актов. — См. Д. А. Керимов, Н. Д. Андреев, Л. И. Каск, Л. Г. Эджуюров, П. Н. Лебедев, *Использование кибернетических методов в праве (опыт работы над законодательным текстом для машинной обработки)*. «Вестник Ленинградского университета» 1962, № 11, стр. 141 и сл.

OIGUSNORMIDE STRUKTUURI KÜSIMUSEST

H. Randalu,
õigusteaduste kandidaat

Resüme

Nõukogude õigusteooria käsitleb õigust valitseva klassi tahteavaldusena ja õigusnorme riigivõimu imperatiividenä. Seejuures on meie teoreetilises kirjanduses kuni käesoleva ajani valitseva vaate kohaselt õigusnormile ühtlasi omane hüpoteetiline otsustuse loogiline struktuur. Õigusnorme käsitletakse hüpoteetiliste otsustustena, millel on implikatsiooniline vorm «kui . . . , siis» ja millele essentsiaalseteks osisteks on hüpotees, dispositsioon ja sanktsioon.

Tegelikult ei ole hüpoteetilise otsustuse loogiline struktuur üldse ühendatav õigusnormi ja õiguse imperatiivse olemusega. Imperatiiv ei ole otsustus, järelikult ka mitte hüpoteetiline otsustus. Otsustus (loogiline lause) väljendab mõtlemise vastavust objektiivsele tegelikkusele. Imperatiivi sisuks aga ei ole tegelikkuse konstateering, vaid tahteavaldus, soov tulevikuks. Imperatiiv ei ütle midagi selle kohta, mis «on», vaid näitab ainult seda, mida «peab». Seetõttu ei saa ükski imperatiiv omada hüpoteetilise otsustuse (implikatsiooni) loogilist struktuuri.

Hüpoteetilise otsustuse puhul vormis «kui . . . , siis» tuleneb teise lause (otsustuse) tõesus esimese lause (otsustuse) tõesusest. Esimene otsustus («kui S on P ») määrab seega tingimused, mille puhul teine otsustus («siis S_1 on P_1 ») osutub tõeseks. Sellist struktuuri ei saa olla imperatiivil. Kui esimene otsustus alati ja paratamatult tingiks teise otsustuse, siis ei oleks ju mingit vajadust käsuks, mille sisu moodustab teine otsustus. Viimane realiseeruks sel puhul kui esimese loogiliselt paratamatu tagajärg. Kui vargus objektiivses tegelikkuses alati tooks kaasa karistuse, osutuks mõtteluks käsk varguse eest karistada, sest karistus saabuks niikuinii varguse loogilise järeldusena. Just seetõttu, et objektiivses tegelikkuses ei too vargus loogilise paratamatusena kaasa karistust, nagu see vormeli «kui . . . , siis» järgi peaks sündima, osutub vajalikuks varguse imperatiivses vormis keelamine ja karistatavaks tunnistamine.

Õigusnormi loogilise struktuuri selgitamine omab meie õigusteoorias erilist tähtsust kaasajal, millal kommunismi laiahaardelise ülesehitamise tingimustes kujunevad välja uued normitüübid (nn. plaanilised normid, rekomendeerivad normid jne.), mille ehitus ei vasta teoorias traditsiooniliseks kujunenud õigusnormi struktuuri käsitusele. Õigusnorm ei ole hüpoteetiline otsustus, vaid sotsiaalne imperatiiv, mida teistest normidest eraldab igale õiguslikule kohustusele korrespondentne pretenatsioon, s. o. võimalus nõuda kohustuse suundkorras täitmist. Oma loogiliselt struktuurilt võime õigusnormi seega iseloomustada kui relatsiooni õiguslikult kohustatud ja õigustatud subjektide vahel.

Nõukogude õigusteadus astub esimesi samme automaatika ja küberneetika meetodite kasutamisele võtmiseks õigusnormide süstematiseerimisel ja õiguslike aktide sisu täiustamisel. Eelkõige on selleks aga vajalik õigusnormi loogilise struktuuri täpne määratlus, ilma milleta ei ole mõeldav õiguslike mõistete sümboliseerimine ja õigusnormide sisu kodeerimine.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Majanduse Instituut

Saabus toimetusse
1. VI 1963

ZUR FRAGE DER STRUKTUR DER RECHTSNORMEN

H. Randalu

Zusammenfassung

Die sowjetische Rechtswissenschaft fasst das Recht als Willensäußerung der herrschenden Klasse auf, die Rechtsnormen aber als Imperative der Staatsgewalt. Dabei besteht in unserer theoretischen Literatur der bisher herrschenden Anschauung gemäss die logische Struktur der Rechtsnorm als eines hypothetischen Urteils. Die Rechtsnormen werden als hypothetische Urteile betrachtet, denen die implikative Form eines «wenn . . . , so» eigen ist und deren essentielle Bestandteile die Hypothese, die Disposition und die Sanktion sind.

Tatsächlich ist die logische Struktur des hypothetischen Urteils mit dem imperativen Wesen der Rechtsnorm und des Rechts überhaupt nicht zu vereinen. Der Imperativ ist kein Urteil, also auch kein hypothetisches Urteil. Das Urteil (der logische Satz) äussert das Übereinstimmen des Denkens und der objektiven Wirklichkeit. Der Imperativ hat aber kein Konstatieren der Wirklichkeit zum Inhalt, sondern eine Willensäusserung, einen Wunsch für die Zukunft. Der Imperativ sagt uns nichts von dem, was «ist», er zeigt uns nur, was «sein muss». Deswegen kann kein Imperativ die logische Struktur eines hypothetischen Urteils (einer Implikation) haben.

Beim hypothetischen Urteil in der Form eines «wenn ..., so» folgt die Wahrhaftigkeit des zweiten Satzes (Urteils) aus der Wahrhaftigkeit des ersten. Das erste Urteil («wenn S P ist») bestimmt somit die Bedingungen, unter welchen das zweite Urteil («so ist $S_1 P_1$ ») wahr ist. Eine solche Struktur kann ein Imperativ nicht haben. Bedingte das erste Urteil immer und notwendigerweise das zweite, so wäre ja das Gebot gar nicht nötig, das den Inhalt des zweiten Urteils bildet. Das zweite Urteil realisierte sich dann als die logisch notwendige Folge des ersten. Brächte der Diebstahl in der objektiven Wirklichkeit stets die Bestrafung mit sich, so wäre ja das Gebot, den Diebstahl zu bestrafen, unnützlich, da die Bestrafung sowieso eine logische Folge des Diebstahls wäre. Weil der Diebstahl in der objektiven Wirklichkeit nicht logisch notwendig die Strafe nach sich zieht, wie es laut der Formel «wenn ..., so» geschehen müsste, erweist es sich eben als unumgänglich, den Diebstahl in der imperativen Form zu verbieten und zu bestrafen.

Die Klärung der logischen Struktur der Rechtsnorm ist für unsere heutige Rechtstheorie besonders wichtig, da beim weitgreifenden Aufbau des Kommunismus neue Normentypen entstehen (sog. planierende Normen, rekommandierende Normen usw.), deren Struktur nicht der in der Theorie traditionell gewordenen Auffassung entspricht. Die Rechtsnorm ist kein hypothetisches Urteil, sondern ein sozialer Imperativ, von allen anderen Normen durch eine jeder Rechtsverpflichtung korrespondierende Prätenation unterschieden, d. h. durch die Möglichkeit, die Verpflichtung zwangsmässig einlösen zu lassen. Ihrer logischen Struktur nach können wir also die Rechtsnorm als eine Relation zwischen rechtlich verpflichteten und berechtigten Subjekten charakterisieren.

Die sowjetische Rechtswissenschaft tut ihre ersten Schritte in der Anwendung der Automatik und der kybernetischen Methode beim Systematisieren der Rechtsnormen und beim Vervollkommen des Inhalts der Rechtsakte. Das erfordert aber vor allem eine genaue Bestimmung der logischen Struktur der Rechtsnorm, da sonst ein Symbolisieren der rechtlichen Begriffe und ein Verschlüsseln des Inhalts rechtlicher Normen nicht denkbar sind.

*Institut für Ökonomie
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 1. Juni 1963